

УДК 81'25 и 81'255.2

Филиппова И.Н.

(г. Москва)

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДА ШИРОКОЗНАЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ А. КРИСТИ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа феномена переводной множественности на материале широкозначной лексики. Обоснованы следующие закономерности её перевода: 1) эврисемичность – самостоятельный фактор множественных неравноуспешных, преимущественно комплексных переводческих трансформаций; 2) мультисубъектность перевода имеет объективные и субъективные следствия передачи широкозначных единиц. Названные факторы в совокупности детерминируют трансцендентальный характер передачи широкозначных лексем.

Ключевые слова: переводная множественность, трансцендентальность перевода, широкозначная лексика, эврисемия.

I. Filippova

(Moscow)

TRANSLATION TRANSCENDENCE OF WIDE-MEANING VOCABULARY (BASED ON A. CHRISTIE'S NOVELS AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN AND GERMAN)

Abstract. The paper presents the results of the analysis of the translation plurality phenomenon on the material of wide-meaning vocabulary. The following translation patterns of wide-value vocabulary are proved: 1) heurisemy is an independent factor of multiple, unequal, and mostly complex translational transformations; 2) translation multisubjectivity has objective and subjective investigation of wide-meaning vocabulary transmission. The whole of all of these factors determine the transcendence of the wide-meaning lexemes translation.

Key words: translation plurality, translation transcendence, wide-meaning vocabulary, heurisemy.

В настоящей статье предпринята попытка приложения методологии холизма к межъязыковой передаче широкозначной лексики. В двуязычии и многоязычии способы перевода широкозначной лексики исследованы недостаточно, отсутствует однозначная дифференциация широкозначной и многозначной лексики, не раскрыты стратегии их передачи. Перспектив-

ность холизма (цельносистемности) как методологии перевода представляет особый интерес в отношении эврисемии, обладающей множественностью и амбивалентностью семантики и предвосхищающей множественность переводческих решений. Совокупность этих обстоятельств определяет актуальность представляемой статьи.

Объектом анализа в настоящей статье являются широкозначные лексемы, обнаруженные в романах А. Кристи, а предмет анализа составляют приёмы и стратегии их перевода.

Материалом работы неслучайно избраны романы А. Кристи: они многократно переведены на многие языки мира, что создаёт простор для исследования феномена переводной множественности. В рамках настоящей статьи основное внимание уделено романам „Crooked House” (и переводам Н.Л. Емельяниковой, В.Н. Матюшиной и Урсулы Визе), „4:50 from Paddington” (и переводам М.В. Тарасова, В. Коткина, М.И. Кан и Ульриха Блюмэнбаха) и „The Mirror Cracked from Side to Side” (в переводах А.А. Шишкина, В. Лунина, С.П. Шпака, Т. Плешаковой и Урсулы Гайль).

Эврисемия обладает следующими признаками, дифференцирующими её от смежных лингвистических явлений (таких как полисемантность [24, с. 163–177]) и определяющими применимость методологии цельносистемности [31, с. 21–40; 32, с. 101–110]: 1) максимально обобщённое лексическое значение, формирующее крайнюю сложность толкования в лексикографических источниках [28, с. 28–36]; 2) широта объединяющего семантического значения; 3) наличие только прямого значения; 4) целостность значения (а не фрагментарность, как у многозначной лексемы); 5) тесная связь с контекстом. Совокупность этих свойств создаёт необходимость обращения к принципам холизма [21, с. 44–48; 22, с. 36–46; 23, с. 97–104] в изучении широкозначной лексики в условиях многоязычия.

Широкозначная лексика в значительной степени обладает потенциальной множественностью интерпретации даже в одноязычии, что формирует условия коммуникативных сбоев [27, с. 80–81], намеренных (определяемых коммуникативной тактикой дисфункционального общения) или ненамеренных (определяемых различием коммуникативной, когнитивной, профессиональной и т.д. компетенции коммуникантов). Ярким примером может служить коммуникативный сбой, возникший в результате различий лингвокогнитивного уровня псевдокоммуникантов – персонажей романа А. Кристи „The Mirror Cracked from Side to Side”, имеющий сюжетобразующую прагматическую роль в ИТ: *And that's where the element of puzzle has come into the matter, owing to the fact that people cannot remember to use their pronouns properly. <...> I only had the account, you see, of what Gladys Dixon said to Cherry which simply was that she was worried about the ruin of*

*Heather Badcock's dress with the cocktail spilt down it. What seemed so funny, she said, was that **she** did it on purpose. But the „she” that Gladys referred to was not Heather Badcock, it was Marina Gregg [46].*

В двуязычии вариативность интерпретаций смысла широкозначной лексики возрастает в связи с включением в процесс коммуникации языкового посредника и в связи с лингвистическими [3, с. 38–41; 25, с. 74–81; 26, с. 70–73] и лингвокультурными стереотипами взаимодействующих языков и культур [5, с. 60–66; 29, с. 197–204], что создаёт переводную множественность [4, с. 8–10]. Природа факторов, детерминирующих трансцендентальность ПТ [1, с. 26–35; 23, с. 147–156], различна, поэтому далее каждый из них рассмотрен отдельно.

1. Мультисубъектность перевода как источник переводной множественности исследована в диахроническом переводе, теории художественного перевода, теории интерпретативного перевода, различных концепциях перевода [6, с. 84–88; 18, с. 99–103], получила новое раскрытие в теории переводческих полей. Авторское, переводческое и читательское видение не может быть тождественным ввиду различия личностных свойств, сквозь призму которых воспринимается информация каждым участником двуязычного общения: возраст, гендер, профессиональный статус, личностный статус (семейное положение), социальный статус, кругозор, принадлежность к определённому вероисповеданию, мировоззрению, физиологический статус (беременность, аффект) [19, с. 57–62]. Эти факторы получили обоснование в психолингвистике, прагмалингвистике, теории НЛП. Тем более удивительно невнимание к этим аспектам в переводоведении.

Взаимное расхождение нескольких ПТ обусловлено совокупностью объективных и субъективных аспектов смыслопередачи [40, с. 229–243]. Среди объективных аспектов нами отмечены индивидуальность видения коммуникативной перспективы высказывания, нетождественность понимания модальности и предикативности. Так, в ИТ *I first came to know Sophia Leonides in Egypt towards the end of the war* [43] объективное развитие от темы к реме конверсируется различным образом:

- 1) *С Софией Леонидис я **познакомился** в конце войны в Египте* [14].
- 2) *Я **познакомился** с Софией Леонидис в Египте в конце войны* [15].
- 3) *Ich **lernte** Sophia Leonides gegen Ende des Krieges in Dgypten **kennen*** [44, с. 3].

Расхождение ПТ может быть вызвано, с известной долей субъективности, различными приоритетами переводчиков, такими как склонность к большему или меньшему прецизированию, различное понимание необходимого уровня детализации для адекватной коммуникации:

*It was over two years before I returned to England. They **were** not easy years* [43].

1) *Прошло больше двух лет, прежде чем я возвратился в Англию, – нелёгких для меня лет* [15].

2) *Прошло два с лишним года, прежде чем я снова попал в Англию. Прожить их оказалось нелегко* [14].

3) *Erst zwei Jahre spä ter kehrte ich nach England zurü ck. Es waren keine leichten Jahre gewesen* [44, с. 5].

Здесь в ПТ В.Н. Матюшиной (1) использована модуляция, которая уточняет информацию. Одновременно с этим осуществлена синтаксическая замена (объединение двух простых предложений ИТ в одно сложное предложение, обременённое парцелированным приложением). Н.Л. Емельяниковой (2) предпринято смысловое развитие, также приводящее к синтаксической трансформации предикативной формы (безличности сказуемого в ПТ). Объективной необходимости в этих трансформациях нет, т.к. языковая система ПЯ₁ позволяет создать адекватный ПТ, более близкий к ИТ: *Прошло больше двух лет, прежде чем я вернулся в Англию. Это было нелегкое время* (пер. наш – И.Ф.). Представление У. Визэ (3) о необходимости детализации и следовании принципу максимальной текстовой близости находит выражение в адекватном, на наш взгляд, способе вербализации исходной информации. Таким образом, отступления от необходимого и достаточного минимума преобразований ИТ в представленных выше ПТ на русском языке следует квалифицировать как своеволие переводчиков, т. е. субъективно детерминированные трансформации.

2. Лингвистические расхождения, т. е. различия систем, норм и усусов ИЯ и ПЯ [2, с. 36–42; 7, с. 67–72; 8, с. 110–111; 30, с. 14–18; 33, с. 81–82, 94], представляют наиболее разработанный аспект переводческой проблематики, получивший широкое освещение в теории перевода (на базе различных национальных языков). В анализируемом фактическом материале различия систем английского (ИЯ), русского (ПЯ₁) и немецкого (ПЯ₂) языков в области эврисемии исследованы не полно, т. к. не являлись ранее предметом специального рассмотрения. Различия языковой и речевой норм ИЯ, ПЯ₁ и ПЯ₂ в отношении широкозначной лексики связаны с различными средствами вербализации, используемыми при описании предметной ситуации:

Mrs. McGillicuddy, who had said so, did not argue the point. She was sadly out of breath [42].

1) *Миссис Мак-Гилликади, заранее сказавшая носильщику, что едет в первом классе, не стала больше объясняться по этому поводу: она очень устала и едва могла перевести дыхание от быстрой ходьбы* [10, с. 148].

2) *Миссис Магликадди так и говорила, но предпочла не спорить на эту тему. Она отчаянно запыхалась* [11].

3) *Missis McGilllicuddy* сразу ему и сказала, что едет в первом классе, однако спорить не стала, поскольку страшно запыхалась [9].

4) *Mrs. McGilllicuddy, die das gleich gesagt hatte, widersprach nicht weiter. Sie war ziemlich auЯ er Atem* [41].

В представленных вариантах передачи ИТ обнаруживается множественность вербализации смыслового сегмента *point*. ПЯ₁ располагает близкими широкозначными лексемами *тема, место*. ПЯ₂ также имеет в словарном составе близкие широкозначные лексемы *Stelle, Punkt, da*. Однако ПТ (3) и (4) элиминируют это содержание.

Значительный интерес представляет передача ИТ, содержащего комплекс широкозначных лексем.

At this point she stopped [46].

1) *На этом мисс Хартнелл, как правило, замолкала* [12].

2) *В этом месте мисс Хартнелл, как правило, замолкала* [16].

3) *Тут она умолкла* [17, с. 12].

4) *На этом месте она останавливалась* [13].

4) *An dieser Stelle brach sie ab* [45, с. 7].

В данном фрагменте информационно релевантными сегментами являются семы «прекращение говорения» и «момент действия», которые получают различную вербализацию в ПТ. Очевидно, различия ПТ связаны с представлениями переводчиков о национально-культурных лингвистических традициях [34, с. 94–99; 36, с. 199–203], т. к. языковые ресурсы ПЯ₁ и ПЯ₂ позволяют использовать некоторые семантически близкие, но не идентичные варианты и, соответственно, по-разному сформулировать информацию. Нам представляется более перспективным (в отношении релевантного содержания и национальной речевой традиции) следующий ПТ: *И тут она обычно замолкала* (пер. наш – И.Ф.). Однако можно продолжить синонимический ряд (при изменении средств описания предметной ситуации): *И тут обычно (или: как правило) следовала пауза, Da kam stets eine Pause* (пер. наш – И.Ф.).

3. Лингвокультурная стереотипия английского, русского и немецкого языков в отношении эврисемии не была ранее предметом специального исследования, однако ввиду своей значимости может являться самостоятельной темой для лингвистического анализа (сопоставительного и переводческого). Ограничиваясь узкими рамками статьи, мы считаем возможным констатировать на основании нескольких языковых фактов расхождение лингвокультурных стереотипов привлекаемых к анализу ИЯ, ПЯ₁ и ПЯ₂ в отношении широкозначности. В ИЯ и ПЯ₂ отмечается большая свобода использования плеоназма при широкозначных лексемах, особенно глаголах говорения, мышления, чувствования, бытия, чем в ПЯ₁. Очевидно, эта осо-

бенность является следствием большей склонности ИЯ и ПЯ₂ к двусоставности предложения:

„I bet you can”, **said** Alfred. „If you’d arranged a murder, Harold, you’d arrange your alibi very carefully, I’m sure”.

„I gather you are not so fortunate”, **said** Harold coldly.

„That depends”, **said** Alfred [42].

1) – Ты-то – конечно! – **сказал** Альфред. – Ты, Гарольд, если бы задумал убийство, то, я уверен, позаботился бы обеспечить себе твёрдое алиби.

– С чем тебя, насколько я понимаю, поздравить нельзя, – холодно **парировал** Гарольд.

– Это как посмотреть, – **сказал** Альфред [11] (пер. М.И. Кан).

2) – Ещё бы! – **съявил** Альфред. – Уж если бы ты задумал убийство, Харольд, то перво-наперво подготовил бы надёжное алиби. Это уж точно!

– Похоже, у тебя с этим проблемы, – **парировал** Харольд.

– Ну это как посмотреть, – **возразил** Альфред [9] (пер. М.В. Тарасова).

3) – Да уж, конечно, ты можешь выкрутиться, – **съявил** Альфред. – Если бы ты задумал убийство, ты бы продумал алиби очень тщательно, я в этом уверен.

– Думаю, ты не такой счастливчик, – холодно **ответил** Гарольд.

– Это как посмотреть, – **сказал** Альфред [10, с. 287] (пер. В. Коткина).

4) „Das kann ich mir denken”, **sagte** Alfred. „Wenn du einen Mord planen würdest, würdest du garantiert auch dein Alibi sehr sorgfältig planen, Harold”.

„Ich schätze, du hast da weniger Glück”, **sagte** Harold kalt.

„Wie man’s nimmt”, **sagte** Alfred [41] (пер. У. Блюмэнбаха).

Если в ИТ диалогические единство содержит тавтологическую цепочку из 3 звеньев глагола *sau*, а в переводе на ПЯ₂ – из 3 звеньев глагола *sagen*, то в различных переводах на ПЯ₁ наблюдаются цепочки с заменой синонимичными глаголами (с модуляцией): *сказал* – *парировал* – *сказал*, *съявил* – *парировал* – *возразил*, *съявил* – *ответил* – *сказал*. Это определено речевыми традициями английского, немецкого и русского языков.

Итак, в рамках фактического материала выявлена следующая частотность факторов детерминации трансцендентальности ПТ:

- лингвистические факторы – 12 %;
- лингвокультурная стереотипия – 37 %;
- мультисубъектность – 51 %;
- объективный аспект – 21 %;
- субъективный аспект – 30 %.

Принимая во внимание анализируемые выше объективные и субъективные факторы множественности перевода [35, с. 132–138; 37, с. 210–219; 38, с. 51–54] при межязыковой и межкультурной передаче широкозначных

языковых единиц, можно утверждать, что их взаимодействие в каждом акте коммуникации носит характер самоорганизации. Это служит основанием для вывода о необходимости применения здесь методологии холизма (теории хаоса, синергетических лингвистических приложений, логики нечётких множеств – в математическом и лингвистическом аспекте) и подтверждении тезиса о трансцендентальности перевода художественных текстов, содержащих эврисемантические лексемы. Эти экстрагированные особенности свидетельствуют о закономерности феномена переводной множественности и необходимости оптимизации перевода (как процесса) посредством методологии холизма и аппроксимации перевода (как результата) посредством концепции широкого коммуникативного видения [31, с. 38–40].

Для передачи широкозначной лексики используются различные **приёмы перевода**, имеющие различную частотность и различную степень адекватности [31, с. 35–40; 39, с. 84–87]. Этому аспекту работы следует уделить особое внимание. В результате сопоставительного и количественного анализа оказывается возможным ранжировать приёмы перевода широкозначной лексики (в рамках материала) следующим образом:

- комплексные трансформации (36 %);
- грамматические замены (17 %)
- конверсия (14 %);
- конкретизация (14 %);
- модуляция (10 %);
- функциональный аналог (5 %);
- опущение (4 %).

Примечательно, что различными переводчиками используются нетождественные приёмы для передачи одной эврисемантической единицы ИТ, что также приводит к трансцендентальности перевода.

„You do **know** that much?”

„Yes, but it's about all I do know” [43].

1) – Ты даже это **знаешь**?

– Да, но это всё, что мне **известно** [14].

2) – И это тебе **известно**?

– Да, но это, в общем, и всё [15].

3) „Das **weißt** t du also?”

„Ja, aber nicht viel mehr” [44, с. 12].

Здесь Н.Л. Емельяникова (1) использует в первом случае функциональный аналог (сходную широкозначную единицу ПЯ₁ – **знаешь**), во втором – синонимическую замену (во избежание тавтологии – **известно**), сопряжённую с синтаксическим преобразованием типа предикативности. В.Н. Матюшина (2) использует в первом случае также функциональный

аналог (*известно*), а во втором – прибегает к опущению. У. Визэ (3) также использует аналог и опущение. Второй и третий примеры перевода представляются более адекватными и узуальными.

В следующем примере широкозначная лексема *idea* создаёт условия для принципиально различных способов вербализации смысла ИТ, сопряжённых с применением различных приёмов перевода и различных трансформаций:

*It was incredible! I wondered why it had been called Three Gables. Eleven Gables would have been more apposite! The curious thing was that it had a strange air of being distorted – and I thought I knew why. It was the type, really, of a cottage, it was a cottage swollen out of all proportion. It was like looking at a country cottage through a gigantic magnifying glass. The slantwise beams, the half-timbering, the gables – it was a little crooked house that had grown like a mushroom in the night! Yet I got the **idea** [43].*

1) *Потрясающее зрелище открылось моим глазам! Интересно, почему особняк назывался «Три фронтона»? <...> **Но замысел архитектора я уловил** [14].*

2) *Дом являл собой невероятное зрелище! Почему его назвали «Три фронтона»? <...> **Мне кое-что стало яснее** [15].*

3) *Unglaublich! Ich fragte mich, warum man dieses Haus «Drei Giebel» getauft hatte. <...> Mir wurde jedoch der **Zusammenhang** klar [44, с. 19].*

Для передачи ИТ Н.Л. Емельяникова (1) использует конкретизацию, В.Н. Матюшина (2) – функциональный аналог и морфолого-синтаксическую замену (изменение характера предикативности: с личного на неопределённо-личный), У. Визэ (3) – конкретизацию и морфолого-синтаксическую замену (изменение характера предикативности). Однако при этом в переводе В.Н. Матюшиной обнаруживается маркер неаутентичности, выраженный в неузуальности передачи нерелевантной информации, вызывающий неясность у читателя ПЯ₁, однозначно идентифицируемый и провоцирующий отвлечение от изложенного содержания. На наш взгляд, основная пропозиция, заданная в анализируемом сегменте ИТ, состоит в указании на то, что главный персонаж (одновременно являющийся автором повествования) понимает причины архитектурной необычности дома. Для её выражения на ПЯ₁ возможны более узуальные варианты вербализации: *Я понял, почему он (дом) такой. Я догадался, в чем тут дело* (пер. наш – И.Ф.).

Следует подчеркнуть количественное преобладание комплексных трансформаций при передаче широкозначной лексики. Наиболее частотные среди сопутствующих трансформаций – синтаксические преобразования и изменения коммуникативной перспективы предложения / высказывания.

You're going to do something, I suppose? [42]

1) *Вы ведь намерены, надеюсь, что-то предпринять?* [11]

2) *Полагаю, вы собираетесь как-то действовать?* [9]

3) *Вы ведь собираетесь что-либо предпринять, я надеюсь?* [10, с. 150]

4) *Irgendwas werden Sie doch tun, hoffe ich* [41, с. 4].

В ИТ коммуникативная структура осложнена: двухъярусная конструкция содержит в каждом ярусе объективное развитие от темы к реме ($T_1 \rightarrow R_1 + T_2 \rightarrow R_2$), где второй ярус преобразуется в супертему:

$T_1 \rightarrow R_1 \leftarrow T_2$

$\underbrace{\hspace{1.5cm}}$

$(T_2 \rightarrow R_2)$.

В ПТ, кроме перевода В. Коткина (3), коммуникативная структура иная: в переводе М.И. Кан (1) – интерпозиция второй темы, которая не двучленна и не может быть разделена на тему и ремю: $T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow R_1$. В ПТ М.В. Тарасова (2) – суперпозиция второй темы, которая также одночленна: $T_2 \rightarrow T_1 \rightarrow R_1$. В ПТ У. Блюмэнбаха (4) – субъективное развитие от ремы к теме в обоих звеньях коммуникативной структуры $R_1 \rightarrow T_1 + R_2 \rightarrow T_2$. Различное представление коммуникативной перспективы, очевидно, определено в значительной степени тем, что смысловая ценность компонентов актуального членения анализируемого высказывания понимается переводчиками по-разному. Таким образом, индивидуальность восприятия переводчика как коммуникативного посредника создаёт субъективные условия трансцендентности перевода.

При передаче широкозначной лексики отмечены случаи использования опущения, которое распространяется не только на сами эврисемантичные единицы, но охватывает также и сегменты, и даже предложения, в составе которых в ИТ представлены факты широкозначности.

With a sense of shock Lucy realised that there was a definite point in Alexander's conversation [41].

1) *И тут до Люси вдруг дошло, что Александр завёл этот разговор совсем неспроста* [9].

2) *До несколько оторопелой Люси вдруг дошло, что Александр клонит разговор к чему-то вполне определённомu* [11].

3) В ПТ В. Коткина [10] анализируемый фрагмент содержания изъят, что в данном случае представляется недопустимым ввиду его релевантности.

4) *Lucy begriff schockiert, worauf Alexander hinaus wollte* [41, с. 63].

Очевидная проблематичность межъязыковой передачи широкозначных единиц в художественной литературе обуславливает различные по-

грешности перевода: от маркеров неаутентичности (неузуальности) до опущений (как было отмечено выше) и искажений.

When Craddock got to 4 Madison Road he found Lucy Eyelesbarrow with Miss Marple [42].

1) **Придя** к мисс Марпл, инспектор Креддок застал у неё Люси Айлсбэрроу [9].

2) **Приехав** в дом №4 по Мадисон-роуд, инспектор Креддок застал у мисс Марпл Люси Айлсбэрроу [11].

3) **Когда Креддок приехал** в дом 4 по Мэдисон-роуд, он увидел там мисс Марпл и Люси Айлсбэрроу [10, с. 264].

4) *Als Craddock in die Madison Road kam, traf er Lucy Eyelesbarrow bei miss Marple* [41, с. 54].

В переводах М.В. Тарасова (1), М.И. Кан (2) и У. Блюмэнбаха (4) обнаруживается смещение смысла относительно заданного в ИТ. Из представленных вариантов ПТ вытекает, что мисс Марпл является хозяйкой дома № 4 по Мэдисон-роуд (в ПТ 1 эта информация имплицирована), в то время как в ИТ однозначно указывается, что мисс Марпл временно арендует гостиную в этом доме и встречается там со второй упомянутой в контексте героиней, мисс Люси. ПТ В. Коткина (3) уравнивает права обеих героинь на нахождение в описываемом месте. На наш взгляд, эта неточность может быть устранена при следующей передаче на ПЯ₁ и ПЯ₂: **Приехав** в дом № 4 по Мадисон-роуд, инспектор Креддок встретил в комнате мисс Марпл и Люси Айлсбэрроу (пер. наш – И.Ф.). *Als Craddock in die Madison Road № 4 kam, traf er miss Marple zusammen mit Lucy Eyelesbarrow* (пер. наш – И.Ф.).

Таким образом, завершая обзор передачи широкозначной лексики на материале романов А. Кристи „Crooked House”, „4:50 from Paddington” и „The Mirror cracked from Side to Side” и их различных переводов, мы можем констатировать обнаружение следующих закономерностей межъязыковой и межкультурной передачи при эврисемии:

1) мультифакторность перевода определяет множественность и трансцендентальность перевода широкозначной лексики;

2) множественность и неравноуспешность приёмов перевода для передачи языковых фактов широкозначности оставляет значительный простор для поиска оптимального переводческого решения при трудноисчислимом множестве вариантов ПТ;

3) среди факторов, детерминирующих трансцендентальность перевода, можно выделить мультисубъектность (субъективную и объективную), объективные лингвистические причины и объективные особенности лингвостереотипии национальной культуры контактирующих языков;

4) совокупность и системное взаимодействие этих факторов определяют переводную множественность, прогрессирующую в диахронии.

Несмотря на ограниченность анализа узкими рамками фактического материала на английском (ИЯ), русском (ПЯ₁) и немецком (ПЯ₂) языках, мы полагаем, что принципиальные выводы о межъязыковой (и мультязычной) передаче широкозначной лексики как детерминирующем факторе трансцендентальности перевода могут быть экстраполированы на иные национальные языки, и надеемся, что они найдут подтверждение на базе иных языковых фактов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т.* Различные переводы Библии: проблема сосуществования // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2013. № 4. С. 26–35.

2. *Гусева А.Е.* Структура базы знаний в когнитивной лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 36–42.

3. *Епифанцева Н.Г.* Модальность и средства её выражения во французском и русском языках // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 1. С. 38–44.

4. *Ершова Е.А., Музыченко Е.Я., Чайковский Р.Р.* Художественный перевод и межъязыковая диверсификация смысла // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2011. Т. 15. № 15. С. 8–10.

5. *Жирова И.Г.* О проблеме перевода экстралингвистических компонентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 5. С. 60–66.

6. *Жирова И.Г.* Экспансионизм современной лингвистики // Перевод и когнитология в XXI веке. М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 84–88.

7. *Ившин В.Д.* Заимствование пользовательской терминологии в области электронной обработки и передачи информации из английского в испанский и русский языки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 5. С. 67–72.

8. *Ившин В.Д.* Перевод как источник сравнительных выражений в современном русском языке (на материале переводов с французского) // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 110–111.

9. *Кристи А.* В 16.50 от Паддингтона [Электронный ресурс] / пер. М.В. Тарасова // CoolLib. 2012. URL: <http://coollib.com/b/31620> (дата обращения: 10.04.2015).

10. *Кристи А.* В 4.50 из Паддингтона / Пер. В. Коткина // Агата Кристи. Сочинения. Т.4. М.: Моск. штаб-квартира Междунар. ассоц. детектив. и полит. романа, 1991. С.147–335.

11. *Кристи А.* В 4:50 с вокзала Паддингтон / Пер. М.И. Кан. М.: Эксмо, 2008. 320 с.

12. *Кристи А.* Зеркало треснуло [Электронный ресурс] / Пер. А.А. Шишкина // E-libra.ru: Электронная библиотека. URL: <http://e-libra.ru/read/107413-zerkalo-tresnu>

ю.html (дата обращения: 10.04.2015).

13. *Кристи А. И* в трещинах зеркальный круг [Электронный ресурс] / Пер. В. Лунина. URL: http://www.bookol.ru/detektiyi_i_trilleryi/klassicheskiy_detektiv/159030/fulltext.htm (дата обращения: 10.04.2015).

14. *Кристи А.* Кривой домишко / Пер. Н.Л. Емельяниковой // Агата Кристи. Собрание сочинений: в 3 т. Т.2. М.: Худож. лит., 1992. С. 5–170.

15. *Кристи А.* Нелепый домишко / Пер. В.Н. Матюшиной // Агата Кристи. Печальный кипарис: Нелепый домишко. М.: ДЭМ, 1991. С. 187–366.

16. *Кристи А.* Разбилось зеркало, звеня / Пер. С.П. Шпака // Агата Кристи. Избранные произведения. Т. 5. М.: Гермес, 1992. С. 397–607.

17. *Кристи А.* Треснувшее зеркало / Пер. Т. Плешаковой // Агата Кристи. Треснувшее зеркало: Убийство под праздник. М.: ДЭМ, 1992. С. 5–210.

18. *Крюкова О.П.* Управление коммуникативными процессами с помощью лингвистической модели знаний // Перспективы развития информационных технологий. 2013. № 16. С. 99–103.

19. *Кузьменко Е.Л.* Вербальная презентация отрицательных чувств и эмоций этносемантической личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. Т. 2. С. 57–62.

20. *Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р.* Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2s (18). С. 147–156.

21. *Максименко О.И.* Оценка интеллектуальных лингвистических систем методом нечёткой логики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 6. Т. 2. 2011. С. 44–48.

22. *Максименко О.И.* Формализованная лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 190 с.

23. *Максименко О.И.* Формальные методы оценки эффективности систем автоматической обработки текста: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 447 с.

24. *Марчук Ю.Н.* Автоматический перевод многозначных терминов // Человек: образ и сущность. 2009. № 1. С. 163–177.

25. *Марчук Ю.Н.* Новое в современном машинном переводе // Учёные записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 1 (1). С. 74–81.

26. *Марчук Ю.Н.* Перевод и преподавание языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. Т. 2. С. 70–73.

27. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 320 с.

28. *Ощепкова В.В.* Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 28–36.

29. *Попова Т.Г.* Процесс перевода во взаимодействии культур // Личность: Культура: Общество. 2011. Т. 13. № 2. С. 197–204.

30. *Телегин Л.А.* О степенях морфологической мотивированности номинативных знаков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 1. С. 14–18.

31. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 45 с.
32. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычии и двуязычии: вопросы теории, практики, методологии, лингводидактики. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 207 с.
33. Филиппова И.Н. Сравнительная типология немецкого и русского языков. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2014. 128 с.
34. Хухуни Г.Т., Анурова О.А. Лексические модернизмы в оригинале и переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 94–99.
35. Хухуни Г.Т., Валульцева И.И. Повторный перевод сакрального текста: «возвращение» или «обновление» // Вестник МГИМО. 2009. № 6. С. 132–138.
36. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Библиейский перевод: «архаисты» и «модернизаторы» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2013. № 6–2 (24). С. 199–203.
37. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. О понятии прогресса в переводах Священного Писания // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 7. № 2. С. 210–219.
38. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Обновление переводов Священного Писания: причины и следствия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 4. С. 51–54.
39. Чайковский Р.Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. Т. 2. № 6. С. 84–87.
40. Чайковский Р.Р. Этика художественного перевода в аспекте поликультурности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 15 (675). С. 229–243.
41. Christie A. 16 Uhr 50 ab Paddington / Übertr. von Ulrich Blumenbach. Bern, München, Wien: Scherz Verlag, 2000. 150 S.
42. Christie A. 4:50 from Paddington [Электронный ресурс] // Booksee.org. URL: <http://booksee.org/book/1959307> (дата обращения: 10.04.2015).
43. Christie A. Crooked house [Электронный ресурс] // BookReader : Самая большая электронная читалка рунета : Поиск книг и журналов. URL: <http://bookre.org/reader?file=209677> (дата обращения: 10.04.2015).
44. Christie A. Das Krumme Haus / Übertr. von Urs.
45. Christie A. Mord im Spiegel oder Dummheit ist gefährlich / übertr. von Ursula Gail. Bern: Scherz Verlag, 1980. 156 S.
46. Christie A. The Mirror Cracked from Side to Side [Электронный ресурс] // Bookzz.org. URL: <http://dlx.bookzz.org> (дата обращения: 10.04.2015).